
ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива¹

Е.М. АРУТЮНОВА*, И.М. КУЗНЕЦОВ**

***Екатерина Михайловна Арутюнова** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: 981504@mail.ru

****Игорь Михайлович Кузнецов** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Цитирование: Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М. (2021) Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива // Мир России. Т. 30. № 2. С. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25

Статья, написанная по результатам исследований в трех субъектах Российской Федерации (Москве, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Республике Саха (Якутия)), представляет данные об уровнях и факторах интеграционного потенциала принимающего населения по отношению к инокультурным мигрантам. Показатель сформирован в результате применения аппарата факторного анализа. Выявлено, что наиболее высоким показателем интеграционного потенциала среди изученных регионов выделяется население Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, наиболее низким – население Москвы. Показано, что интеграционный потенциал связан с двумя уровнями факторов. Первый – это фактор этнического негативизма, низкий уровень которого сопутствует более высокому показателю интеграционного потенциала. Второй уровень факторов связан с идентичностями принимающего общества. В республиканском контексте в силу длительного сосуществования как минимум двух крупных культурных сообществ высокие уровни этнической, региональной идентичностей могут способствовать, скорее, понижению интеграционного потенциала принимающего населения.

Ключевые слова: интеграционный потенциал, принимающее общество, мигранты, Москва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Саха (Якутия)

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241.

Рабочая концепция исследования

Проблема социальной и культурной интеграции мигрантов в российское общество – одно из важных направлений в исследовании миграционных процессов. При всем многообразии определений понятия «интеграция» нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей в том, что это понятие, по сути, используется как «зонтичное, объединяющее разные формы и степени инклюзии индивида в общество» [Цапенко, Гришин 2018, с. 84]. Существует большой массив литературы, посвященной преимущественно политическим аспектам интеграции мигрантов в принимающие сообщества стран Европейского союза. Под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития в 2006 г. был подготовлен специальный обзор этой литературы [Spencer 2006]. Причем в большинстве случаев речь идет о критериях институциональной готовности принимающих обществ к политической и социальной интеграции мигрантов, что, по сути, рассматривается как оценка степени интеграции собственно мигрантов.

Практической реализацией такого подхода к оценке интеграции мигрантов является широко используемый в странах ЕС «Индекс интеграции мигрантов MIPEX», в котором рассматривается комплекс характеристик *принимающего государства* (но не обязательно сообщества граждан этого государства и, тем более, не самих мигрантов): (1) имеют ли иммигранты равные права и возможности для получения работы и повышения квалификации; (2) отвечает ли система образования потребностям детей иммигрантов; (3) имеют ли иммигранты сравнимые права и возможности участия в политической жизни; (4) насколько легко иммигранты могут получить гражданство; (5) сколько иммигрантов потенциально живут в транснациональных парах; (6) отвечает ли система здравоохранения потребностям иммигрантов; (7) насколько легко иммигранты могут стать постоянными жителями (т. е. имеют материальные возможности жить в стране достаточно долго); (8) все ли эффективно защищены от расовой, этнической, религиозной и национальной дискриминации во всех сферах жизни [Huddleston, Bilgili, Joki, Vankova 2015]. По мысли разработчиков, постепенная реализация этих позиций принимающим государством должна привести к полной интеграции иммигрантов.

На наш взгляд, даже безупречное функционирование указанных институтов интеграции отнюдь не обеспечивает лояльности иммигрантов принимающему обществу, следования базовым правилам и нормам жизни этого общества, т. е. не обязательно приводит к содержательной интеграции в общество. Эту точку зрения поддерживают в значительной мере (около трети и более) и жители стран ЕС. По данным маркетинговой компании Ipsos за 2016 г., значительные доли жителей стран ЕС не уверены, что иммигранты успешно интегрируются в местные социумы: так, например, считают около 51% жителей Германии, по 55% граждан Италии и Швеции, 61% опрошенных в Бельгии [Global Views 2016, p. 21]. Резонансные преступления мигрантов (и бывших мигрантов) в принимающем обществе в странах, входящих в первую десятку рейтинга интегрированности (в частности, таких как Швеция, Бельгия и Германия), лишь подтверждают эту оценку.

Большинство исследований социологических и социально психологических аспектов интеграции мигрантов (т. е. процессов аккультурации и социализации) базируются на доработанной концепции Дж. Берри [Berry 1997], согласно

которой интеграция – это стремление стать неотъемлемой частью большого общества при сохранении собственной культурной идентичности. Позже эта концепция была дополнена типологией определенных изменений, которые происходят в принимающем обществе в процессе взаимной адаптации представителей локального принимающего населения и мигрантов. Эта типология по своей логике зеркально повторяет типы, сформированные Дж. Берри для мигрантского сообщества: *мультикультурализм* (аналог *интеграции* в типологии адаптации для иммигрантов), т. е. полное признание равноправия мигрантской и принимающей культур, или как минимум включение ее в свое культурное пространство как «своей» субкультуры; *сегрегация* – «молчаливое» обособление инокультурных мигрантов; *«плавильный котел»* – принудительная ассимиляция инокультурных мигрантов; *исключение* – принудительное вытеснение иммигрантов на маргинальные позиции [Berry 2003].

В итоге Дж. Берри сконструировал системную модель интеграции мигрантов, которая понимается как процесс взаимной адаптации мигрантов и членов принимающего общества. Это дает возможность рассматривать диспозиции мигрантов в отношении принимающего общества и, наоборот, диспозиции представителей принимающего общества в отношении мигрантов не изолированно, а в рамках единого взаимонаправленного процесса интеграции. Такой подход позволяет анализировать те или иные характеристики мигрантов и принимающего сообщества с точки зрения того, насколько они мешают или, наоборот, способствуют нормальному процессу интеграционного взаимодействия, т. е. определить *интеграционный потенциал* как принимающей стороны, так и мигрантов в контексте общих задач интеграции.

Однако если интеграционный потенциал мигрантов и факторы, его определяющие, изучаются достаточно детально, в частности, с применением методик, разработанных под руководством Дж. Берри [Лебедева, Татарко, Берри 2016; Лебедева, Татарко 2009], то работы по интеграционному потенциалу принимающих сообществ не столь многочисленны. Существуют исследования, построенные на анализе тех или иных параметров отношения к мигрантам, например, по материалам Европейского социального исследования (ESS) [Монусова 2016]; в них оценивается интеграционный потенциал принимающих обществ по уровню настороженности по отношению к приезжим, особенно к людям иных культур. Такая настороженность, в частности, обуславливается субъективной оценкой количества мигрантов, присутствующих в локальном социуме. Обнаруживается, например, значимая статистическая связь между высокой субъективной оценкой количества мигрантов и низким уровнем доверия к людям в целом [Цапенко, Монусова 2017, с. 93]. Одной из характеристик интеграционного потенциала принимающего общества представляется наличие/отсутствие этнических предрассудков, что существенно влияет на интенсивность контактов между представителями принимающего населения и иммигрантами. По мнению исследователей, интеграционный потенциал принимающего общества ситуативно определяется уровнем воспринимаемых со стороны мигрантов угроз в сфере экономики, повседневной культуры и правопорядка. В целом отмечается, что «экономически развитые протестантские страны с высоким уровнем межличностного доверия более толерантны к мигрантам, чем католические, жители которых меньше доверяют друг другу и чаще видят в мигрантах потенциальную угрозу» [Монусова 2016, с. 65]. Важной характеристикой интеграционного потенциала принимающего общества является набор требований к мигрантам,

их поведению, отношению к повседневной культуре принимающего общества. В любом случае в странах ЕС от мигрантов в той или иной мере ожидают, что они, во-первых, примут образ жизни принимающего населения и, во-вторых, не будут самоизолироваться внутри собственной культурной среды.

Недостаток описанного выше подхода к оценке интеграционного потенциала принимающего общества состоит в том, что отношение к мигрантам формируется под воздействием как ситуативных обстоятельств (темпов прироста мигрантов, текущей экономической ситуации, текущих особенностей политического взаимодействия принимающего и посылающего государств, алармистской активности СМИ), так и относительно устойчивых исторически сложившихся характеристик данной социально-культурной среды, ее открытости/закрытости инокультурным влияниям. Более того, применяемые индикаторы готовности сообщества к принятию мигрантов имеют весьма косвенное отношение к собственно интеграционному потенциалу принимающей стороны. Так, в странах ЕС для оценки готовности населения принять мигрантов в свое сообщество рекомендовано использовать, например, ответ на вопрос «является ли Ваш [город, населенный пункт] хорошим местом для проживания мигрантов?». Но при этом указывается, что этот вопрос «лишь очень грубо измеряет меру готовности принять мигрантов <...> и, в частности, может интерпретироваться респондентами как оценка приемлемости для мигрантов данного места по уровню экономических условий и комфортности проживания» [Indicators of Immigrant Integration 2015, p. 225].

В связи с вышесказанным ощущается явный недостаток средств прямого измерения интеграционного потенциала, т. е. показателя готовности сообщества принять и почувствовать «своими» инокультурных приезжих.

Показатель интеграционного потенциала принимающего населения

Для формирования показателя интеграционного потенциала принимающего сообщества, т. е. меры готовности или неготовности представителей местного населения принять мигрантов, мы использовали (в несколько измененном виде) блок вопросов-суждений, ранее успешно примененный нами для оценки интеграционного потенциала разных категорий мигрантов [Кузнецов 2013]. Это дало нам возможность в дальнейшем сравнивать интеграционный потенциал мигрантов и принимающего сообщества в общей системе соотнесения.

Для настоящего исследования был задействован блок из четырех суждений, имеющих наибольшую факторную нагрузку. Для того чтобы представить содержание и расклад суждений по параметрам готовности или неготовности принимать мигрантов, приведем для примера факторный анализ ответов на указанный блок вопросов, сделанный по результатам опроса 2019 г. в Республике Саха (Якутия) (РС(Я)) (таблица 1).

Респонденты оценивали свое согласие с каждым суждением по 4-балльной шкале – от категорического несогласия (1 балл) до полного одобрения (4 балла), затруднившимся дать какую-либо оценку данному суждению присваивался балл 0. Мера готовности принимать мигрантов как отдельная переменная

представляет собой разность усредненных значений по двум представленным в *таблице 1* параметрам². В результате процедуры ранжирования были сформированы три аналитические группы (категории) принимающего населения с разной мерой готовности принимать мигрантов. *Группу с высоким интеграционным потенциалом* составляли респонденты, у которых преобладало позитивное отношение к мигрантам и готовность со временем принять их. В *группу с неопределенным интеграционным потенциалом* были включены респонденты, которые еще не определились в своем отношении к мигрантам. В *группу с низким интеграционным потенциалом* вошли респонденты с преобладанием негативного отношения к мигрантам и нежеланием принять их со временем в качестве членов местного сообщества.

Таблица 1. Распределение факторов отношения к мигрантам, факторные нагрузки

Насколько Вы согласны или не согласны со следующими высказываниями о мигрантах:	Факторные нагрузки по данным опроса в РС(Я)	
	Готовность принимать мигрантов*	Неготовность принимать мигрантов**
1. Я не возражал бы, чтобы дети или внуки мигрантов стали коренными жителями [Москвы / ХМАО – Югры / Республики Саха (Якутия)]	0,883	
2. [Москва / ХМАО – Югра / Республика Саха (Якутия)] – это многонациональная территория, и здесь каждый вправе вести себя согласно своим традициям и обычаям	0,797	
3. Я не хочу, чтобы мигранты переезжали на постоянное жительство в [Москву / ХМАО – Югру / Республику Саха (Якутия)]		0,893
4. В образе жизни коренных жителей [Москвы / ХМАО – Югры / Республики Саха (Якутия)] есть особенности, к которым мигрантам трудно привыкнуть		0,755

КМО: 0,628. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

*Фактор объясняет совокупную дисперсию на 38%.

**Фактор объясняет совокупную дисперсию на 32%.

На первом этапе одна из задач состояла в проверке нулевой гипотезы о том, что интеграционный потенциал принимающего общества сходен в разных регионах России. Аргументом для формулировки такой гипотезы послужил тот факт, что в текущих опросах, посвященных отношению к мигрантам (особенно в исследованиях уровня «ксенофобности»), исследователи делают выводы, распространяемые на все население РФ [Гудков, Пития 2018]. Другая задача заключалась в определении (в меру возможностей инструментария, в который был включен

² Итоговый показатель меры готовности принимать мигрантов (интеграционный потенциал – ИП) рассчитывался по формуле $IП = ((c1 + c2)/2) - ((c3 + c4)/2)$, где $c1...c4$ – балл оценки суждений 1–4 (см. левую колонку *таблицы 1*). Значения итогового показателя могут колебаться в пределах от +4 (максимальная готовность принять мигрантов) до -4 (полная неготовность принимать мигрантов).

блок вопросов об интеграционном потенциале) значимых связей того или иного уровня интеграционного потенциала и социально-экономических, этнокультурных и других переменных, характеризующих принимающее сообщество.

Эмпирическая база исследования

Описанный выше блок вопросов был интегрирован в анкеты опросов разного целевого назначения, проведенных в 2019 г. в Москве, Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском автономном округе – Югра. Целью опроса в Москве явился ежегодный мониторинг отношения жителей к мигрантам, проводимый по инициативе Департамента средств массовой информации и рекламы г. Москвы. Репрезентативная для города выборка составила 7000 респондентов. Опрос проведен методом CAWI (Computer Assisted Web Interviewing) на базе портала town.media, созданного специально для дистанционного проведения социологических исследований.

В Республике Саха (Якутия) задача исследования состояла в комплексном анализе межэтнических отношений в республике, включая отношение к мигрантам. Опрос проведен в ходе совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и ГБУ РС(Я) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». Репрезентативная республиканская выборка включала 1480 чел., опрошенных методом личного интервью F2F (Face-to-Face) по месту жительства с использованием опросника на бумажном носителе.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре задачей исследования стал мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в округе. Проект реализован Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с АУ ХМАО – Югры «Центр «Открытый регион». Репрезентативная для округа выборка составила 13325 чел., отвечавших на вопросы анкеты в ходе телефонного опроса методом CATI (Computer Assisted Telephone Interviewing).

Использование данных, полученных тремя разными методами массового опроса, неизбежно порождает вопросы о возможных различиях в данных по одной и той же переменной, возникающих ввиду использования различных методов. Как правило, проводятся экспериментальные исследования по сравнению классического метода поквартирного обхода и личного интервью либо с методом CATI, либо (что реже) с методом CAWI с применением одного и того же инструментария и на одной и той же выборке. В целом эти исследования показывают, что, несмотря на определенные смещения в выборках в сторону большей доли социально активных респондентов в телефонных опросах по сравнению с поквартирными, существенных различий в ответах на вопросы социально-политической тематики не наблюдается [Караева 2015, с. 126]. Тот же самый вывод был сделан и по результатам экспериментального сравнения данных, полученных методом онлайн- и офлайн-опросов: результаты онлайн-опроса не отличаются от данных, полученных при помощи привычных бумажных [Некрасов 2011, с. 73; Шкурин 2015, с. 103]. С учетом этих выводов мы можем предположить, что различия в данных, полу-

ченных на различных региональных выборках с помощью разных методов опроса, отражают скорее расхождение в зависимости от региона, нежели различия, обусловленные выбором методов.

Показатель интеграционного потенциала и характер отношения к мигрантам в регионах России

Региональные различия в отношении к мигрантам представлены в *таблице 2*, где даны доли согласных и скорее согласных с суждениями, составляющими показатель интеграционного потенциала. Представленные данные демонстрируют различия между регионами в разных измерениях. В большей степени они проявлены в мере готовности населения регионов расширять круг «своих» за счет мигрантов (п. 1 в *таблице 2*). Минимальная доля готовности в Москве и максимальная в ХМАО – Югре позволяют оценить разницу в сроках привыкания к приезжим: в Москве эти сроки в среднем больше, чем в ХМАО – Югре.

Таблица 2. Отношение к присутствию мигрантов в разных регионах России, % согласных с суждениями

Согласны, скорее согласны со следующими высказываниями о мигрантах:	Регионы исследования		
	Москва	РС(Я)	ХМАО – Югра
1. Я не возражал бы, чтобы дети или внуки мигрантов стали коренными жителями [Москвы / ХМАО – Югры / Республики Саха (Якутия)]	45,4	51,7	72
2. [Москва / ХМАО – Югра / Республика Саха (Якутия)] – это многонациональная территория, и здесь каждый вправе вести себя согласно своим традициям и обычаям	59,7	61,2	68,4
3. Я не хочу, чтобы мигранты переезжали на постоянное жительство в [Москву / ХМАО – Югру / Республику Саха (Якутия)]	68,6	50,1	49,4
4. В образе жизни коренных жителей [Москвы / ХМАО – Югры / Республики Саха (Якутия)] есть особенности, к которым мигрантам трудно привыкнуть	71,1	76	66,2

Следующее измерение интеграционного потенциала можно, одной стороны, условно назвать мерой этнокультурной толерантности данной среды, указывающей на то, насколько жестко в принимающей среде ожидается и требуется соблюдение принципа «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» (п. 2 в *таблице 2*). С другой стороны, это требование к соблюдению правил и норм принимающей среды можно рассматривать как приемлемую для данного социума меру интегрированности в принимающую среду самих мигрантов. Наименее строгие требования к соблюдению правил и норм поведения, принятых в принимающем обществе, характерны для населения ХМАО – Югры, а большая ультимативность в этом

отношении характерна в практически равной степени для принимающих сред Москвы и РС(Я). Необходимо также отметить, что, несмотря на указанные различия в мере ожидания интеграции, они не столь велики, и есть основания полагать, что высокие ожидания соответствия поведения мигрантов нормам и обычаям принимающей среды характерны для российского социокультурного контекста в целом. На наш взгляд, оба упомянутых выше измерения отражают определенные историко-культурные особенности региональных принимающих сред.

Третье измерение фиксирует меру желательности/нежелательности мигрантов в данной принимающей среде (п. 3 в *таблице 2*). Здесь можно наблюдать обратную предыдущей закономерность: дополнительный приток мигрантов нежелателен для двух третей респондентов Москвы и для примерно половины опрошенных в РС(Я) и ХМАО – Югры. Предположительно, региональные различия здесь связаны с разным опытом приема мигрантов: так, приток мигрантов в Москву в нулевых годах характеризовался высокой интенсивностью прироста за единицу времени, что могло «сломать» (или временно вывести из строя) исторически сложившиеся в Москве механизмы абсорбции приезжих. В РС(Я) и ХМАО – Югре контингент мигрантов был меньше по объему, формировался постепенно и более длительное время (т. е. было больше времени для привыкания к новым инокультурным включениям), что и сказалось на более позитивном отношении населения этих регионов к притоку мигрантов.

Последнее измерение характеризует представление принимающего населения об интеграционных возможностях мигрантов (п. 4 в *таблице 2*) и предположительно обусловлено удовлетворенностью/неудовлетворенностью населения текущим уровнем интегрированности мигрантов в данной принимающей среде. И здесь более благоприятное представление об интеграционных возможностях мигрантов фиксируется в ХМАО – Югре, хуже всего в РС(Я), Москва занимает промежуточное положение.

Как было сказано выше, суммарную оценку по всем четырем измерениям отражает показатель интеграционного потенциала принимающего общества. По результатам опросов 2019 г. мы получили следующие распределения этого показателя, представленные в *таблице 3*.

Таблица 3. Интеграционный потенциал принимающего населения в регионах исследования, %

Уровень интеграционного потенциала (типологические группы)	Регионы исследования		
	Москва	РС(Я)	ХМАО – Югра
Высокий интеграционный потенциал	15,4	23,4	37,4
Неопределенный интеграционный потенциал	46,8	46,5	41,4
Низкий интеграционный потенциал	37,8	30,1	21,2

Как видно из данных *таблицы 3*, уровень интеграционного потенциала в исследованных регионах РФ существенно различается. Таким образом, нулевая

гипотеза о сходстве интеграционного потенциала региональных принимающих сообществ не подтверждается. В наименьшей степени готово к приему мигрантов население Москвы, а в наибольшей – ХМАО – Югра; Республика Саха (Якутия) по уровню интеграционного потенциала находится на промежуточной позиции. При этом во всех трех регионах большинство опрошенных занимают нейтральную позицию в отношении приема мигрантов в качестве новых членов своего локального сообщества, что, на наш взгляд, свидетельствует об активно протекающих процессах интеграции в рассматриваемых регионах.

Факторы, определяющие интеграционный потенциал принимающего общества

Выше при обсуждении выводов исследований интеграционного потенциала принимающих обществ Европейского союза было отмечено, что ведущим фактором, определяющим его, является мера распространенности этнического негативизма. Этот вывод подтверждается и на наших данных³ (таблица 4). Как для ХМАО – Югры, так и для РС(Я) группы с разным интеграционным потенциалом значительно различаются по доле распространенности этнического негативизма. Доля безусловно испытывающих неприязнь в отношении представителей иных национальностей заметно выше в группе с низким интеграционным потенциалом и наоборот.

Таблица 4. Этнический негативизм в разных типологических группах интеграционного потенциала в ХМАО – Югре и РС(Я), % от ответивших

Уровень интеграционного потенциала	Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?		
	Безусловно испытываю	Иногда испытываю	Безусловно не испытываю
ХМАО – Югра			
Высокий интеграционный потенциал	24,3	27,4	45,5
Неопределенный интеграционный потенциал	35,5	43,5	41,0
Низкий интеграционный потенциал	40,2	29,1	13,5
РС(Я)			
Высокий интеграционный потенциал	8,2	14,1	30,8
Неопределенный интеграционный потенциал	26,5	44,9	48,3
Низкий интеграционный потенциал	65,3	41,0	20,9

³ Здесь и далее рассматриваются только значимые различия между группами (χ^2 Пирсона $\leq 0,005$).

Однако важно определить: имеет ли этот негативизм под собой какие-то основания и со временем может быть устранен в случае устранения его причин, или это уже иррациональная этническая предубежденность, т. е. определенная форма социальной патологии, собственно, и обозначаемая как «ксенофобия», а точнее, «этнофобия»? И для того, чтобы это сделать, необходимо рассматривать переменные интеграционного потенциала (как мигрантов, так и принимающего сообщества) не как имманентный атрибут той или иной из взаимодействующих сторон, а как эмерджентное, системное свойство, проявляющееся (или не проявляющееся) у одной из сторон в конкретной ситуации взаимодействия. Если этнический негативизм обнаруживается в любых контекстах межэтнических контактов, то это, скорее, этнический предрассудок, а если только при определенных обстоятельствах, то это ситуативная характеристика, а не атрибут одного из акторов.

Одним из путей реализации системного подхода может служить определение того, как представители принимающего населения оценивают опыт взаимодействия с мигрантами в их (принимающей стороны) социокультурной «среде обитания». В качестве примера приведем ранжированный по убыванию список претензий москвичей к мигрантам (*таблица 5*).

Таблица 5. Распространенность претензий к приезжим иной национальности в Москве, % от количества ответивших респондентов

Претензии к приезжим иной национальности	% согласных с данным суждением
Они не считаются с правилами поведения, сложившимися в Москве	14
Они живут по иному укладу жизни, говорят на непонятном языке	13,1
Они ведут себя оскорбительно по отношению к людям Вашей национальности	13
Они не чувствуют благодарности за то, что живут в нашем городе	12,7
Ими совершается большинство преступлений в Москве	12,2
Они способствуют развитию коррупции, стремятся все решать через своих	12,1
Они люди чуждой мне религии	11,6
Они скупают квартиры, предназначенные для москвичей	11,3
Всего	100

В списке, представленном в *таблице 5*, первые четыре строки так или иначе сигнализируют о том, что поведение приезжих иной национальности не соответствует общепринятым социокультурным стандартам (существует ли реально такой общепринятый стандарт в современном московском сообществе – это другой вопрос, важно, что есть *представление* о нем в городском общественном сознании). В сумме доля такого рода претензий составляет 52,8%, и они касаются отнюдь не иной, непривычной национальности мигрантов или их отличающегося внешнего вида, или религии, а их неинтегрированности, слабой встроенности

в поведенческую культуру принимающего общества, когда нормальное в одной культуре может восприниматься как оскорбительное в другой. В РС(Я) наблюдается сходная ситуация: большинство претензий к мигрантам (63,6% по данным опроса 2019 г.) приходится на пункт «Нежелание следовать местным правилам поведения». По данным других исследований, та же претензия является самой распространенной и в других регионах России (например, в Татарстане и Башкортостане [Дробижева, Рыжова 2017, с. 48]).

Важно отметить, что эти претензии отнюдь не свидетельствуют о «ксенофобности» принимающего населения. Это сигнал принимающего сообщества о том, что если мигранты освоят стандарты поведения, принятые в общественном пространстве принимающей среды, то они перестанут восприниматься как загостившиеся «чужаки» (мигранты), а станут «своими», ничем не отличающимися от остальных, местными жителями (уже не мигрантами). Собственно, ксенофобной можно назвать лишь претензию «Они люди чуждой мне религии», но она стоит на последнем месте в рейтинге распространенности претензий. В итоге этнический негативизм мы можем рассматривать не как имманентное свойство представителей принимающего сообщества, а, скорее, как эмерджентное свойство, отражающее ожидание к интеграции мигрантов и мотивирующее их усваивать нормы и стандарты принимающей стороны.

Феномен широкого распространения в принимающем сообществе этнического негативизма не может быть адекватно понят без рассмотрения готовности и возможности разных этнических групп мигрантов вписаться в новую социально-культурную матрицу, т. е. без анализа соответствующих составляющих интеграционного потенциала мигрантов. Изучение связи уровня интеграционного потенциала с рядом диспозиций, отражающих то или иное отношение к межэтническому взаимодействию в российском поликультурном контексте, позволяет уточнить, в каком случае этнический негативизм можно рассматривать не как эмерджентную (ситуативную), а как имманентную характеристику части принимающего сообщества (*таблица 6*).

Согласие с суждениями 1, 3, 4, 5, 6 в *таблице 6* свидетельствует о значимости, придаваемой респондентом этнической принадлежности (его собственной и других граждан России). Указанную склонность придавать особую важность этнической (а шире – расовой) принадлежности в социальном взаимодействии любого уровня мы рассматриваем как *специфическую форму этнического негативизма*. Особенность заключается в том, что в данном случае просматривается стремление превратить этническую принадлежность в капитал, конвертируемый в ряд социальных, политических и экономических предпочтений. Поэтому такую форму этнического негативизма мы кратко обозначим как *«капитализацию этничности»*.

Доля согласных с суждениями, в той или иной форме отражающими представления, которые мы назвали «капитализацией этничности», в обеих региональных выборках значимо больше у представителей аналитической группы с низким интеграционным потенциалом, а доля согласия с суждениями, отражающими равенство всех народов России, больше в группе высокого интеграционного потенциала. Таким образом, можно утверждать, что сконструированный нами показатель интеграционного потенциала принимающего общества адекватно отражает диспозиции к позитивному межэтническому общению и признанию равенства этнических групп независимо от их численности и роли в обществе и истории страны.

Таблица 6. Диспозиции к межэтническому взаимодействию в разных типологических группах интеграционного потенциала в ХМАО – Югре и РС(Я), % согласных с высказываниями

С какими из нижеперечисленных мнений Вы бы согласились:	Уровень интеграционного потенциала		
	Высокий интеграционный потенциал	Неопределенный интеграционный потенциал	Низкий интеграционный потенциал
ХМАО – Югра			
1. Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	79,8	74,6	71,5
2. Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами	86,6	76,4	67,6
3. Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	10,0	12,2	17,4
4. Я никогда не забываю о своей национальности	72,8	72,4	77,3
5. Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав	10,5	15,2	28,4
6. Любые средства хороши для защиты интересов своего народа	23,1	23,8	30,5
РС(Я)			
1. Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	84,9	74,4	71,6
2. Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами	81	66	66,3
3. Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	8,3	9	17,7
4. Я никогда не забываю о своей национальности	61,8	68,7	84,4
5. В республиках РФ народы, дающие название республикам, должны обладать большими правами	8,8	12,1	24,7
6. Любые средства хороши для защиты интересов своего народа	12,5	10,9	23,7

Кроме этого, на межрегиональном уровне прослеживается и разнонаправленная связь уровня интеграционного потенциала с мерой идентификации респондентов с различными социально-культурными группами (таблица 7).

В ХМАО – Югре высокая степень идентификации с местными и региональными сообществами, людьми одной национальности и вероисповедания характерна для тех, кто демонстрирует высокий интеграционный потенциал. Сопоставляя эти данные с аналогичными данными по РС(Я), мы наблюдаем прямо противоположную связь уровня интеграционного потенциала с высоким уровнем идентификации как с локальными общностями, так и с этническими и конфессиональными. В случае РС(Я) высокий уровень идентификации с этими группами в большей мере связан с показателями низкого интеграционного потенциала так же, впрочем, как и в Республике Татарстан [Кузнецов, Фролова 2019].

Таблица 7. Мера групповой идентификации в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я) и ХМАО – Югре, % отметивших высокую степень идентификации

Всегда ощущают близость с данной группой, с теми, о ком могли бы сказать: «Это – мы»	Уровень интеграционного потенциала		
	Высокий интеграционный потенциал	Неопределенный интеграционный потенциал	Низкий интеграционный потенциал
ХМАО – Югра			
С теми, кто живет в том же городе	78,4	74,1	70,8
С людьми моей национальности	78,0	76,2	74,6
С людьми моей веры	73,6	68,8	67,6
РС(Я)			
С жителями Вашего города, села	49,2	54,2	66,0
С людьми Вашей национальности	43,8	47,1	58,8
С людьми Вашей веры	35,4	34,9	45,6

Сравнение данных по двум упомянутым регионам приводит нас к важному выводу о том, что полярность и вообще наличие связи групповой идентичности с уровнем интеграционного потенциала определяются региональной спецификой принимающей среды, в данном случае речь идет о специфике *республиканского* контекста (в отличие, например, от *областного*). Его особенность состоит в том, что территории республик РФ, как правило, представляют собой пространство сосуществования больших и сопоставимых по количеству национальностей (обычно, но не всегда, это национальность, по имени которой названа республика, и русские). В условиях постоянного межэтнического контакта обостряются задачи сохранения и развития этнокультурного наследия, языка, базовых составляющих уклада жизни и т. п. Это означает, что вопросы устойчивости и постоянной воспроизводимости исторически сложившихся на этих территориях стандартов взаимодействия (обеспечивающих в том числе и высокий уровень взаимного уважения культур и межнационального согласия) находятся в зоне особого внимания сообщества. И включение в это пространство новых этнокультурных сообществ, зачастую не имеющих исторически сложившихся навыков межкультурного взаимодействия, вызывает большее беспокойство, нежели в регионах, для которых проблема согласованного межкультурного сотрудничества не становится столь актуальной в исторической ретроспективе. В этой ситуации идентификация со своей этнической общностью означает и признание высокой ценности своей культуры. В свою очередь, такое повышенное внимание к сохранению и воспроизводству своей, унаследованной от предков на данной территории, этнокультурной среды неизбежно способствует стремлению закрыть эту среду от инокультурных инноваций, т. е. снижает уровень интеграционного потенциала. Хотя, исходя из наших материалов, мы обозначили это явление как особенность именно республиканских принимающих сообществ, и не исключено, что тот же эффект высокой иденти-

фикации с локальными и этническими общностями будет иметь место и в других типах региональных сообществ в том случае, если они отличаются высокими значениями этнической мозаичности.

При этом важно обратить внимание на разную полярность связи уровня интеграционного потенциала с отчетливо проявленной этнической идентичностью, с одной стороны, и со столь же проявленной «капитализацией этничности», с другой. Признание своей связи с этнической общностью в определенной степени повышает или понижает интеграционный потенциал в зависимости от региональной специфики. А убежденность в том, что принадлежность к данной этнической группе дает право на какие-то социально-политические преференции, заметно понижает этот потенциал независимо от региональных особенностей.

Наконец, набор переменных, использованных для исследования состояния межэтнических отношений в РС(Я), позволил либо подтвердить / опровергнуть, либо выявить дополнительные связи уровня интеграционного потенциала с теми или иными параметрами принимающей среды. Однако, несмотря на то, что мы используем региональную выборку, эти связи актуальны и для России в целом: так, была обнаружена статистически значимая связь интеграционного потенциала с восприятием устойчивости текущего социально экономического статуса (*таблица 8*). В группе с высоким интеграционным потенциалом доля уверенных в завтрашнем дне несколько выше, чем в группе с низким интеграционным потенциалом, что в целом отражает неоднократно подтвержденную связь роста этнического негативизма при понижении социально-экономического статуса. Вероятно, даже ожидание людьми такого понижения статуса также способствует росту этнического негативизма, что сказывается в свою очередь на уровне интеграционного потенциала.

Таблица 8. Чувство уверенности в завтрашнем дне в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я), % от ответивших

Есть ли у Вас чувство уверенности в завтрашнем дне?	Уровень интеграционного потенциала		
	Высокий интеграционный потенциал	Неопределенный интеграционный потенциал	Низкий интеграционный потенциал
Да	76,8	73,1	71,0
Нет	23,2	26,9	29,0

Лишь отчасти подтвердился сделанный ранее в других исследованиях вывод о связи меры доверия с уровнем интеграционного потенциала. Связи этого потенциала с уровнем общего доверия не обнаруживается, но установлена статистически значимая связь интеграционного потенциала с мерой доверия людям другой национальности (*таблица 9*). Доля тех, кто в целом доверяет людям другой национальности, существенно больше в группе с высоким интеграционным потенциалом. Таким образом, рассматривая меру социального доверия как фактор интеграци-

онного потенциала, необходимо учитывать скорее меру межэтнического доверия, нежели общего доверия. Во всяком случае, для исторически сложившегося межнационального контекста России это представляется более адекватным подходом.

Таблица 9. Мера доверия людям другой национальности в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я), % от ответивших

Насколько Вы доверяете людям других национальностей?	Уровень интеграционного потенциала		
	Высокий интеграционный потенциал	Неопределенный интеграционный потенциал	Низкий интеграционный потенциал
Доверяю, скорее доверяю	72,6	61,7	44,7
Скорее не доверяю, не доверяю	27,4	38,3	55,3

Заключение

Суть нашего подхода к анализу интеграционного потенциала (как мигрантов, так и принимающего сообщества) состоит в том, чтобы рассматривать диспозиции мигрантов в отношении принимающего общества и, наоборот, диспозиции представителей принимающего общества в отношении мигрантов не изолированно, а в рамках единого взаимонаправленного процесса интеграции, т. е. в системе их взаимодействия. Это предполагает необходимость анализа переменных этого потенциала не как имманентного атрибута той или иной из взаимодействующих сторон, а как эмерджентное, системное свойство, проявляющееся (или не проявляющееся) у одной из взаимодействующих сторон в конкретном контексте системы взаимодействия.

В целом исследование факторов, определяющих интеграционный потенциал принимающего сообщества, позволило выявить два уровня этих факторов. Первый уровень (этнический негативизм) связан с настроженным или неприязненным отношением к людям иной национальности. Наши данные подтвердили вывод предыдущих отечественных и зарубежных исследований о том, что чем выше уровень этнического негативизма, тем ниже интеграционный потенциал принимающего сообщества. Однако с точки зрения нашего подхода (в отличие, например, от исследований уровня «ксенофобности») этнический негативизм в отношении мигрантских этнических меньшинств мы склонны рассматривать скорее как эмерджентную характеристику данной конкретной ситуации взаимодействия (возникающую, кстати, не только в принимающей среде, но и у самих мигрантов), нежели как устойчивый атрибут принимающего сообщества (или сообщества мигрантов), хотя последнее не исключается.

Наши исследования показывают, что этнический негативизм значимо связан с уровнем претензий к поведению мигрантов в принимающей среде, но отнюдь не с их этнической или конфессиональной принадлежностью. Иначе говоря, неприятие мигрантов (причем, иногда той же национальности, что и представи-

тели принимающего сообщества) обусловлено их слабой интегрированностью в повседневные стандарты взаимодействия локального принимающего сообщества.

Если считать, что интеграция мигрантов в принимающее сообщество – процесс взаимонаправленный, то здесь, на наш взгляд, имеет место некоторый сбой взаимности. Речь идет об ожидании принимающим обществом «шагов навстречу» со стороны мигрантов, причем об ожидании весьма существенном, определяющем в глазах принимающего сообщества целостность и стабильность его социально-культурной (и религиозной) системы, сохранение его исторической и социально-культурной идентичности, что для сообществ, ориентированных на традиционные ценностные смыслы, каковыми являются и большинство региональных сообществ России, становится жизненно важным. Удовлетворение этих ожиданий, как правило, приводит к ослаблению этнического негативизма, переходу мигрантов из разряда «чужих» в категорию «своих» в представлениях людей, по крайней мере, в контексте исторически сложившейся социально-культурной матрицы России. В противном случае распространенность этнического негативизма может возрасти, но, скорее, как эмерджентное свойство системы взаимодействия принимающего населения и неинтегрированных мигрантов. В итоге феномен широкого распространения в принимающем сообществе этнического негативизма не может быть адекватно понят без рассмотрения готовности и возможности разных этнических групп мигрантов вписаться в новую социально-культурную среду, т. е. без рассмотрения соответствующих составляющих интеграционного потенциала мигрантов.

Особой формой демонстрации этнического негативизма является, на наш взгляд, «капитализация этничности», т. е. стремление рассматривать этническую принадлежность как некую форму социального капитала, конвертируемого в ряд карьерных и экономических предпочтений для представителей одних этнических групп и становящегося основой для дискриминации представителей других этнических групп. По смыслу феномен, обозначенный нами как «капитализация этничности», очень сходен с понятием «ксенофобия» в социологии [Гудков, Пития 2018, с. 33–34] и с понятием «этнический предрассудок» в социальной психологии [Ehrlich 1973]. Однако мы используем термин «капитализация этничности» для того, чтобы подчеркнуть отличие этого явления от ситуативного (эмерджентного) этнического негативизма (чего не делается, например, в исследованиях по ксенофобии). В итоге «капитализация этничности» – это скорее возможный атрибут участников процесса интеграции, нежели эмерджентное свойство контекста этого процесса. Такое разграничение мы считаем важным, поскольку эти два явления имеют разное происхождение, различающиеся механизмы и каналы распространения, и, соответственно, для их элиминации необходимо применять различные стратегии.

Второй уровень факторов, определяющих интеграционный потенциал принимающего общества, связан с мерой идентификации представителей принимающего общества со своей этнической, конфессиональной и локальной общностями. Сравнение данных по регионам с разным административным статусом (республика РФ, автономная область) и с разной историей заселения позволяет сделать предварительный вывод о том, что полярность и вообще наличие связи групповой идентичности с уровнем интеграционного потенциала определяются региональной спецификой социально-этнической структуры принимающей среды, в данном случае речь идет о специфике республик РФ (в отличие, например, от областей и краев). В республиках Российской Федерации совместно проживают представители

как минимум двух, часто сопоставимых по размеру этнических сообществ (как правило, это национальность, по имени которой названа республика, и русские). В условиях постоянного межэтнического контакта стабильно актуальной является проблема сохранения и развития этнокультурного наследия, языка, базовых составляющих уклада жизни и т. п., что находит отражение в уровне идентификации со своим локальным сообществом в разных его измерениях. Это обстоятельство делает республиканские принимающие сообщества менее открытыми для этнокультурных инноваций, привносимых мигрантами, что может в итоге снижать уровень интеграционного потенциала. Однако было бы ошибкой смешивать эти специфические последствия феномена этнокультурной (и конфессиональной) идентификации с феноменом «капитализации этничности». Этнокультурная идентичность, ориентированная на поддержание культурного наследия, в общем случае не ассоциируется с требованием социальных предпочтений по факту этнической принадлежности, что, наоборот, составляет исключительный смысл этнической категоризации. Хотя мы обозначили это явление как особенность, характерную именно для республиканских принимающих сообществ, не исключено, что тот же эффект высокой идентификации с локальными и этническими общностями будет иметь место и в других типах региональных контекстов в том случае, если они отличаются высокими значениями этнической мозаичности.

Разумеется, все перечисленные выше выводы носят предварительный характер и нуждаются в дополнительной проверке на выборках разного типа регионов.

Литература

- Гудков Л., Пипия К. (2018) Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3–4(127). С. 33–64.
- Дробижина Л.М., Рыжова С.В. (ред.) (2017) ИНАБ № 3. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте. М.: ФНИСЦ РАН.
- Караева О. (2015) «Поиски лучшей репрезентации»: сравнение телефонных и квартирных опросных методик в социально-политических исследованиях. Методический эксперимент // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1(119). С. 116–129.
- Кузнецов И.М. (2013) Интеграционный потенциал мигрантов // Зайончковская Ж.А. (ред.) Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Том I. Часть 2: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М.: Спецкнига. С. 725–735.
- Кузнецов И.М., Фролова Е.В. (2019) Интеграция мигрантов в общественном мнении жителей Республики Татарстан // ИНАБ. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 74–87.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (ред.) (2009) Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей. М.: РУДН.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж. (2016) Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. Т. 37. № 2. С. 92–104.
- Монусова Г.А. (2016) Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 11. С. 58–70.
- Некрасов С.И. (2011) Сравнение результатов онлайн- и оффлайн-опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология. 4М. № 32. С. 53–74.
- Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) (2018) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН.

- Цапенко И.П., Моусова Г.А. (2017) Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // ПОЛИС. № 4. С. 90–105.
- Шкурин Д.В. (2015) Сравнительная оценка качества данных офлайн- и онлайн-опросов // Дискуссия. № 8. С. 101–104.
- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review, vol. 46, pp. 5–68.
- Berry J.W. (2003) Conceptual Approaches to Acculturation // Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research (eds. Chun K.M., Balls Organista P., Marin G.), Washington: American Psychological Association, pp. 17–37.
- Ehrlich H.J. (1973) The Social Psychology of Prejudice: A Systematic Theoretical Review and Propositional Inventory of the American Psychological Study of Prejudice, New York.
- Global Views on Immigration and the Refugee Crisis (2016) // Ipsos // https://www.ipsos.com/sites/default/files/2016-08/Immigration_and_Refugees-July_2016.pdf
- Huddleston Th., Bilgili O., Joki A.-L., Vankova Z. (2015) Migrant Integration Policy Index 2015 // <http://mipex.eu/sites/default/files/downloads/files/mipex-2015-book-a5.pdf>
- Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In (2015) // OECD, Paris: OECD Publishing.
- Spencer S. (2006) Social Integration of Migrants in Europe: A Review of the European Literature 2000–2006, Center on Migration, Policy and Society // https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/ER-2006-Integration_Europe_Literature_Review_OECD.pdf

The Integration Potential of the Host Society: A Comparative Regional Perspective

E. ARUTYUNOVA*, I. KUZNETSOV**

***Ekaterina Arutyunova** – PhD in Sociology, Leading Researcher, Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bldg 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: 981504@mail.ru

****Igor Kuznetsov** – PhD in Sociology, Leading Researcher, Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bldg 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Citation: Arutyunova E., Kuznetsov I. (2021) The Integration Potential of the Host Society: A Comparative Regional Perspective. *Mir Rossii*, vol. 30, no 2, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25

Abstract

Based on survey findings from three federal subjects of Russia (Moscow, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra and the Republic of Sakha (Yakutia)) this article analyzes the levels and factors of integration potential of the host population in relation to migrants of other cultures. Using factor analysis, we construct an indicator

of the integration potential of the host population. We further identify significant links between a particular level of integration potential and socio-economic, ethnocultural and other variables that characterize the host community. The analysis reveals that the highest integration potential among the studied regions is among the population of Yugra, and the lowest is among the population of Moscow.

We show that integration potential is associated with two levels of factors. The first level consists of factors of ethnic negativism, which we consider as an emergent characteristic rather than as a stable attribute of the host community. This ethnic negativism is not related to the ethnic or religious identity of migrants, but to the perception of their integration into the standards of behavior of the host community. The results for the regions studied confirm that a low level of ethnic negativism accompanies a higher level of integration potential. A special form of ethnic negativism is, in our view, the “capitalization of ethnicity”, i.e., the desire to consider ethnicity as a form of social capital that is converted into preferences for representatives of some ethnic groups and the basis for discrimination against representatives of other ethnic groups.

At the second level, the integration potential of the host society is determined by factors related to the characteristics of group identities in the host population. It is revealed that a high level of group identities of the socio-cultural field (Russian national, ethnic, regional) accompanies a higher level of integration potential of the host population. However, in regions of Russia with a long historical interaction of large and comparable ethnic groups, in particular, in the republics of the Russian Federation, high levels of these identities may have the lower integration potential of the host population. We attribute this to the current long-term tasks of preserving and developing the ethnocultural heritage, language, basic components of the way of life, etc., which encourages the host community to be more closed.

Keywords: integration potential in the host society, migrants, Moscow, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Republic of Sakha (Yakutia)

References

- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, vol. 46, pp. 5–68.
- Berry J.W. (2003) Conceptual Approaches to Acculturation. *Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research* (eds. Chun K.M., Balls Organista P., Marin G.), Washington: American Psychological Association, pp. 17–37.
- Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. (eds.) (2017) *INAB No. 3. Etnichnost` i mezhnatsional`nye otnosheniya v sotsial`nom kontekste* [Informational and Analytical Bulletin. Ethnicity and Interethnic Relations in a Social Context], Moscow: FNIS RAN.
- Ehrlich H.J. (1973) *The Social Psychology of Prejudice: A Systematic Theoretical Review and Propositional Inventory of the American Psychological Study of Prejudice*, New York.
- Global Views on Immigration and the Refugee Crisis (2016). *Ipsos*. Available at: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2016-08/Immigration_and_Refugees-July_2016.pdf, accessed 20.02.2021.
- Gudkov L., Pipiya K. (2018) Parametry ksenofobii, rasizma i antisemitizma v sovremennoj Rossii [Parameters of Xenophobia, Racism and anti-Semitism in Modern Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3–4(127), pp. 33–64.

- Huddleston Th., Bilgili O., Joki A.-L., Vankova Z. (2015) *Migrant Integration Policy Index 2015*. Available at: <http://mipex.eu/sites/default/files/downloads/files/mipex-2015-book-a5.pdf>, accessed 20.02.2021.
- Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In (2015). *OECD*, Paris: OECD Publishing.
- Karaeva O. (2015) «Poiski luchshej reprezentatsii»: sravnenie telefonnykh i kvartirnykh oprosnnykh metodik v sotsial'no-politicheskikh issledovaniyakh. Metodicheskij eksperiment [Finding Superior Representation: A Comparison of Telephone and Face-to-Face Samples in Social-Political and Electoral Research (A Methodological Experiment)]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 1(119), pp. 116–129.
- Kuznetsov I.M. (2013) Integratsionnyj potentsial migrantov [The Integration Capacity of Migrants]. *Migratsiya v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v 3 tomakh. Tom I. Chast` 2: Migratsionnye protsessy i aktual'nye voprosy migratsii* [Migration in Russia 2000–2012. Anthology in 3 volumes. Volume I. Part 2: Migration Processes and Current Issues of Migration] (ed. Zajonchkovskaya Zh.A.), Moscow: Speckzniga, pp. 725–735.
- Kuznetsov I.M., Frolova E.V. (2019) Integratsiya migrantov v obshchestvennom mnenii zhitelej Respubliki Tatarstan [Integration of Migrants in the Public Opinion of Residents of the Republic of Tatarstan]. *INAB. Mezhnatsional'nye otnosheniya v respublikakh Rossijskoj Federatsii: primer Tatarstana i Sakha (Yakutii)* [Informational and Analytical Bulletin. Interethnic Relations in the Republics of the Russian Federation: The Example of Tatarstan and Sakha (Yakutia)], pp. 74–87.
- Lebedeva N., Tatarko A. (eds.) (2009) *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii: sbornik nauchnykh statej* [Strategies for Intercultural Interaction between Migrants and the Population of Russia: Collection of Scientific Articles], Moscow: RUDN.
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J. (2016) Sotsial'no-psihologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodejstvii v rossijskom kontekste [Social and Psychological Basis of Multiculturalism: Testing of Intercultural Interaction Hypotheses in the Russian Context]. *Psihologicheskij zhurnal*, vol. 37, no 2, pp. 92–104.
- Monusova G.A. (2016) Vospriyatie immigrantov evropejskim obshchestvennym mneniem [Public Attitudes towards Migrants in Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no 11, pp. 58–70.
- Nekrasov S.I. (2011) Sravnenie rezul'tatov onlajn- i oflajn-oprosov (na primere anket raznoj slozhnosti) [Comparison of Online and Offline Surveys (On the Example of Questionnaires of Varying Complexity)]. *Sotsiologiya: 4M*, no 32, pp. 53–74.
- Shkurin D.V. (2015) Sravnitel'naya otsenka kachestva dannykh oflajn- i onlajn-oprosov [Comparative Evaluation of the Quality of Data from Offline and Online Surveys]. *Diskussiya*, no 8, pp. 101–104.
- Spencer S. (2006) *Social Integration of Migrants in Europe: A Review of the European Literature 2000–2006*, Center on Migration, Policy and Society. Available at: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/ER-2006-Integration_Europe_Literature_Review_OECD.pdf, accessed 20.02.2021.
- Tsapenko I., Grishin I. (eds.) (2018) *Integratsiya inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma* [Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism], Moscow: IMEMO.
- Tsapenko I.P., Monusova G.A. (2017) Integratsionnyj potentsial etnokul'turnogo raznoobraziya v evropejskikh sotsiumakh [Integration Capacity of Ethno-cultural Diversity in European Societies]. *POLIS*, no 4, pp. 90–105.